

В.В. Куфтерин

Россия, Москва

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

**Тройное погребение гунно-сарматского времени Темясовского курганного могильника:
комплексный антропологический анализ¹**

Обсуждаются результаты антропологического анализа скелетных останков из кургана 9 Темясовского могильника в Башкирском Зауралье, полученных в результате раскопок проведенных в 2014 г. под руководством Ф.А. Сунгатова. Памятник расположен на правом берегу р. Сакмары, в 3 км к востоку от с. Темясово Баймакского района Республики Башкортостан; имел в своем составе 13 курганных насыпей. Своеобразие могильника выражается в преобладании коллективных погребений. В широком интервале темясовские комплексы ранее были датированы II–IV вв. [Пшеничнюк, Рязанов, 1976]. Датировка материалов кургана 9, в котором обнаружено единственное тройное захоронение (ребенок 10–12 лет, мужчина и женщина 35–50 лет – последние погребены одновременно), укладывается в первую половину – середину III в. [Султанова, Сунгатов, 2017. С. 41]. Отмечается, что анализ хронологической позиции артефактов из этого погребального комплекса позволяет уточнить рамки существования Темясовского некрополя в системе гунно-сарматских древностей в целом (вторая половина II – середина III вв.) [Султанова, Сунгатов, 2017].

Тезисно излагая результаты антропологического исследования материалов из коллективного погребения кургана 9, отметим следующее. Одна из наиболее интересных особенностей изученных скелетов – наличие выраженной циркулярной деформации черепной коробки (рис. 1). С учетом этих и опубликованных ранее данных [Пшеничнюк, Рязанов, 1976], количество деформантов в Темясовских курганах приближается, по меньшей мере, к величине 23% (5 случаев на 22 наблюдения). Датировка памятника соответствует третьему этапу распространения феномена прижизненной деформации циркулярной формы на территории Евразии (III–V вв.) когда эта традиция приобретает интенсивный характер, а доля деформированных черепов в некоторых памятниках увеличивается до 80–100%. Большая часть этих могильников относится к кочевническим культурам [Ходжайов, 2000]. В семантическом аспекте для данного этапа бытования традиции характерно выполнение ею внешней социоразличительной функции [Тур, 1996].

Поиск аналогий физическому типу погребенных затрудняется единичностью наблюдений. Определенные параллели черепу скелета 2 можно усмотреть в «среднеазиатско-казахстанском варианте», выделяемом Л.Т. Яблонским в серии из Покровки 10 [Яблонский, 2005]. Этот вариант представляют гиперморфные европеоиды с высоким сводом черепа, большим, широким и высоким лицом, резко профилированным в горизонтальной плоскости, большим, среднешироким носом и хорошо профилированным переносьем [Яблонский, 2005. С. 52]. При общем европеоидном облике, на черепе скелета 2 отмечается наличие небольшой доли «монголоидных» признаков. Аналогии подобному комплексу прослеживаются в материалах Кенкольского могильника, увязываемого с гуннами. Данное обстоятельство можно рассматривать как еще одно свидетельство проникновения на Южный Урал представителей среднеазиатских кочевников [Юсупов, 2006; Яблонский, 2005]. На смешанный монголоидно-европеоидный (со значительным преобладанием европеоидного компонента) тип погребенных, могут указывать и одонтологические особенности. В частности, к признакам «восточной ориентации» относятся лопатообразная форма резцов и коленчатая складка метаконида на зубах скелета 1 и пятибугорковые вторые нижние моляры у скелетов 1 и 3. Применение специальной программы фиксации индикаторов механического стресса, связанного с верховой ездой

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

[Ражев, 1996], позволяет достаточно уверенно судить о том, что индивиды 2 и 3 являлись профессиональными всадниками. Относительно родственных связей погребенных можно отметить, что распределение некоторых дискретных признаков не исключает такой возможности. В частности у всех индивидов зафиксированы шовные косточки лямбдовидного шва, заднемышечковые и расположенные вне шва сосцевидные отверстия, а также латеральный костный мостик атланта. Однако достаточно высокая частота встречаемости перечисленных признаков в целом, оставляет этот вопрос открытым.

Рис. 1. Череп скелета 2 из кургана 9 Темясовского могильника. Фото В.В. Куфтерина

Список литературы

- Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш.** Темясовские курганы позднесарматского времени на Юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
- Ражев Д.И.** Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А.** Темясовский курганный могильник // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2017. Т. 22. № 1 (85).
- Тур С.С.** К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996.
- Ходжайов Т.К.** Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000.
- Юсупов Р.М.** Палеоантропология Южного Урала в гунно-сарматское время // Вестник антропологии. 2006. Вып. 14.
- Яблонский Л.Т.** К антропологической характеристике населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка 10) // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12.